

Глава 3

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ

3.1. Природа и генезис института власти-собственности

Институт собственности выступает фундаментом институциональной организации хозяйственных порядков. История институциональной эволюции экономик позволяет выделить три основных типа института собственности, которые, в свою очередь, функционируют в разнообразных формах. К таким основным типам можно отнести институты абсолютной частной (индивидуализированной) собственности, государственной собственности и власти-собственности. В научной литературе в рамках неоинституциональной теории прав собственности выделяется еще форма коммунальной (общей) собственности¹, но, являясь внутренне нестабильной, коммунальная собственность неизбежно эволюционирует по направлению либо к частной, либо к государственной. Поэтому в нашей типологии мы не выделяем отдельно коммунальную собственность.

Основной отличительный признак института власти-собственности — его условность. Сущность института власти-собственности заключается в выполнении следующих условий:

1) наделение правами собственности на те или иные объекты возможно при деятельном участии государства как основного агента распределения (перераспределения);

2) собственность может быть отобрана в любое время, если власть (любого уровня) заинтересована в перераспределении этой собственности;

3) государство или иные представители власти получают ренту (в явной или неявной форме) от объектов, включенных в отношения власти-собственности.

¹ *Alchian A.A., Demsetz H. The property rights paradigm // Journal of Economic History, 1973. V. 33. № 1.*

Власть-собственность — это институт, являющийся результатом «органического развития» большинства цивилизаций и хозяйственных порядков. Напротив, абсолютная частная собственность — мутация, тот «многообещающий монстр»¹, который позволил цивилизации Запада достигнуть впечатляющих экономических и культурных достижений. Поэтому традиция власти-собственности (особенно в России) более близка и понятна «широким слоям населения», и с этим ничего нельзя сделать. Институты, формировавшиеся веками, не могут быть изменены в течение, например, десятилетия. Но вместе с тем надежда на изменение траектории развития или на смену колеи власти-собственности существует. В первую очередь она связана с изменениями качества социального и человеческого капитала. Процесс этот очень долгий. И здесь очень важна роль интеллектуальной элиты, которая, используя свой авторитет, позволяет понять и донести до «низов» или «простых россиян» идеи, способствующие внедрению эффективных рыночных институтов, в частности, абсолютной частной (индивидуализированной собственности).

В рамках концепции зависимости от предшествующего пути развития необходимо рассматривать экономические процессы в их историческом контексте. Причем особое значение имеет последовательность событий, которые приводили к ситуациям выбора схем (или матриц) институционального регулирования хозяйственной деятельности. Используя методологический аппарат данной работы, можно сказать, что такие события, сопряженные со сменой форм институциональной организации общества и экономики, могут быть отнесены к точкам радикальной институциональной трансформации, рассматриваемым в рамках концепции эффекта бутылочного горлышка. Экономическая история России может дать не один пример такой зависимости.

¹ Метафора «многообещающий монстр» была предложена генетиком Ричардом Голдсмитом для описания макромутаций, которые ведут к развитию новых видов (*Mokyr J. Punctuated Equilibria and Technological Progress // American Economic Review. Vol. 80. No. 2. Papers and Proceedings of the Hundred and Second Annual Meeting of the American Economic Association. (May, 1990), P. 350—354.*

В данной работе будет рассмотрен лишь один из них — возникновение и закрепление института власти-собственности.

Формирование институтов собственности в России можно считать исторически обусловленным процессом, который не укладывается в модель традиционной эволюционной экономики, предусматривающей развитие экономических институтов от менее эффективных к более эффективным. Если учитывать последовательность исторических событий с позиций неоеволюционной экономики, то можно выделить примеры зависимых от предшествующего пути развития событий, а также эффекта блокировки, закрепляющего неэффективные и субоптимальные экономические институты. Однако в научной литературе присутствуют альтернативные точки зрения. Согласно позиции С. Кирдиной, формирование институтов собственности имеет естественно-исторический характер. Условием выбора тех или иных форм является реализация принципа экономической эффективности. Следовательно, чем эффективнее — по критерию снижения издержек и повышению результатов — будет санкционированная обществом структура прав собственности, тем более велика вероятность ее закрепления¹. Относительно эволюции института российской собственности мы сталкиваемся с эволюцией наоборот — долгое время существовали неэффективные институты «власти-собственности»² или «верховой условной собственности»³.

Механизм действия института власти-собственности для российской экономики не уникален. В Западной Европе в раннее Средневековье также наблюдался феномен единства поли-

¹ Кирдина С.Г. X- и Y- экономки: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. С. 114–115.

² Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М.: Наука, 1982; Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века» // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880/>; Нуреев Р.М., Руннов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 10–31.

³ Кирдина С.Г. Указ. соч.

тической и экономической сфер, который опирался на институт власти-собственности¹. Однако развитие собственности в России значительно отличалось от классического феодализма. В классическом феодализме собственность, преимущественно земельная, рассматривалась двояко: она давала владельцу определенные права и налагала на него соответствующие обязанности. Элита исполняла обязанности вассальной верности и военной службы, а крестьяне несли трудовые, а иногда и военные повинности. Постепенно в Западной Европе с исчезновением обязанностей военной службы и ослаблением уз личной верности обладание собственностью стало рассматриваться как абсолютное право, с которым могут быть связаны лишь договорные обязанности. Распространение римского права еще более укрепило этот подход, и обычное право, например, в Англии, тоже стало признавать за собственностью абсолютный характер². И главное, эволюция отношений собственности не привела к формированию абсолютного права собственности, как это было в большинстве европейских стран.

Власть-собственность возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии³. Монополизация должностных функций для большинства стран Европы была характерна до XII в. Также подобные способы монополизации связываются с экономико-институциональной организацией стран Востока, причем как относящихся к периоду Средневековья, так и к Новому времени. Например, в истории Китая были периоды, когда правители поощряли развитие торговли, но чаще они устанавливали контроль над правами собственности и занимались конфиска-

¹ Розенберг Н., Бирдцел-мл. Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономические преобразования индустриального мира. Новосибирск, 1995. С. 43—50.

² Кенингсбергер Г.Г. Средневековая Европа: 400—1500 годы. М.: Весь Мир, 2001. С. 283.

³ Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Указ. соч. С. 12.

цией¹. На Западе состояния создаются на рынках и затем используются для того, чтобы купить власть или воздействовать на нее. На Востоке власть захватывают и используют для того, чтобы делать деньги. С точки зрения морали разницы здесь нет, но воздействие на экономику и на государственное устройство очень различно². Поэтому формирование института власти-собственности часто связывают с длительным господством властных институтов Золотой Орды. Историками права отмечается, что после татаро-монгольского нашествия в России устанавливается монгольское государственное право, согласно которому вся вообще земля, находящаяся в пределах владычества хана, была его собственностью³.

Формы монополизации государством-классом функций в общественном разделении труда могут быть различны:

- монополизация функций распределения совместно произведенного продукта или его части;
- монополизация сферы обмена в условиях, когда общество постоянно нуждается в отсутствующих или недостающих факторах производства или средствах существования;
- монополизация условий производства (инфраструктуры, накопленного производственного опыта, знаний, защиты и т.п.);
- монополизация функций контроля и управления общественным производством или отдельными его отраслями⁴.

Институт власти-собственности показывает свою относительную эффективность в периоды мобилизационного, неста-

¹ *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: W.W. Norton, 1981. Ch. 4.

² *Льюис Б.* Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М., 2003. С. 67.

³ *Неволин К.А.* История российских гражданских законов // Неволин К.А. Полн. собр. соч. СПб., 1858. Т. 4. С. 136.

⁴ *Нуреев Р.М.* Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. М.: МГУ, 1991. С. 55.

бильного¹ развития общества, ведения войн и расширения территории государства. Однако в более спокойные периоды функционирование института власти-собственности не приводит к формированию стимулов к накоплению и инвестированию в объекты собственности, которые возникают при абсолютной индивидуализированной собственности. В отличие от власти-собственности, формирование института индивидуализированной собственности является предпосылкой становления эффективной рыночной экономики.

3.2. Особенности российского института власти-собственности

Институт власти-собственности существует в рамках российского хозяйственного порядка не одну сотню лет². В нашей стране многочисленные попытки реформ, направленные на изменение ситуации, при которой доминируют институты условной собственности, в конечном итоге не позволяли свернуть с траектории развития, что неоднократно приводило к эффекту блокировки, закрепляющему неэффективные институциональные ограничения. Для проведения действенных институциональных реформ необходимо понимание механизмов эволюции российского института власти-собственности; для этого данная проблема должна рассматриваться в связи с эволюцией российского хозяйственного порядка и ролью групп специальных интересов как институциональных инноваторов, в связи с чем нужно учитывать исторические, культурные и другие институциональные особенности развития хозяйственных систем.

¹ О стабильных и нестабильных состояниях российской модели государственно-го управления см.: Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2003.

² Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века» // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880/>; Цирель С.В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3; Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // *Отечественная история*. 1996. № 3.

Теория хозяйственного порядка является разновидностью институционального подхода к анализу формирования и развития институциональной структуры экономики с учетом специфики конкретных исторических, национальных и политических условий. Теория хозяйственного порядка разрабатывалась экономистами, которые не входили в мейнстрим экономической теории. В основном это были представители немецкого ордолиберализма¹. Однако рост интереса к неортодоксальным (в научной литературе также присутствует термин «гетеродоксальные теории») течениям в современной экономической теории делает актуальным изучение проблемы формирования хозяйственного порядка в контексте институциональных изменений.

Важнейшим моментом при исследовании хозяйственного порядка в тех или иных исторических координатах является вопрос о роли государства при его формировании². Фактически данная проблема является частью более широкого вопроса — о роли государства при формировании институциональной структуры экономики. Не вызывает сомнений то, что государство как институциональный инноватор создает формальные институты, которые, в свою очередь, могут относиться к политическим и экономическим институтам, в разной степени влияющим на хозяйственные процессы.

Качество государства также часто ассоциируется с политическими институтами, которые определяют объем политической власти³. Узурпация власти группами специальных интересов, которые могут представлять, например, земельную аристокра-

¹ *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М., 1995; *Он же.* Основы национальной экономики. М., 1996; Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002.

² Представители Фрайбургской школы, например, отводят государству ведущую роль при формировании хозяйственного порядка. См.: Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002.

³ *Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J.* (2005) Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S.N. Durlauf (eds), Handbook of Economic Growth. Vol. 1. New York. Elsevier. P. 385—472.

тию¹, обуславливает деградацию политических институтов, в конечном итоге оказывая негативное влияние на формирование и функционирование экономических институтов, и ведет к отставанию в темпах экономического роста по сравнению со странами, имеющими более либеральные политические институты.

Формирование эффективного хозяйственного порядка с соответствующей институциональной структурой экономики является целью большинства хозяйственных реформ. Однако в истории имеется множество примеров, когда процессы институционального импорта и модернизации хозяйственных порядков не приводят к росту благосостояния общества, а создают устойчивые неэффективные экономические институты. Возникает вопрос: какие же причины и закономерности определяют формирование, отбор и функционирование эффективных (неэффективных) хозяйственных институтов вообще и института власти-собственности в частности?

Формирование хозяйственных порядков вследствие инерционной природы институтов, подверженных инкрементным изменениям, представляет собой чаще всего эволюционный процесс. Поэтому при анализе институтов, функционирующих в рамках того или иного порядка, важно проследить их эволюцию. Это позволяет понять причины эффективного (неэффективного) институционального регулирования хозяйственных процессов, а также учесть их эволюционно-генетические особенности при разработке программ реформ.

Принципы эволюционной теории наиболее разработаны в биологии. Однако применение «эволюционного языка» в экономике детерминирует расширительную трактовку этого термина, в противоположность его узкоспецифичному использованию в биологии². Поэтому в целом эволюционная экономика может идентифицироваться как применение общей эволюционной концепции к экономическим феноменам. При этом важно под-

¹ *Acemoglu, D., Robinson, J.A.* Political Losers as a Barrier to Economic Development // *American Economic Review*, 2000, Vol. 90, No. 2. P. 126—130.

² *Nelson R.R.* Recent Evolutionary Theorizing About Economic Change // *Journal of Economic Literature*. Mar. 1995. V. 33. № 1.

черкнуть, что экономическое развитие и технологические изменения подвержены воздействию эволюционных сил, которые не только во многом сходны с биологической эволюцией, но и во многих отношениях различаются¹.

Основные различия между физическими и биологическими системами состоят, во-первых, в различной природе «частиц», во-вторых, в различной природе процессов, протекающих в данных системах. Экономическое пространство может характеризоваться различными параметрами и структурными характеристиками. В общественных системах агенты ведут себя не так, как атомы, их склонность к ассоциированию в решающей степени будет зависеть от фенотипических характеристик их поведения². Концепция «институционального человека» отличается от концепции «неоклассического человека» тем, что она признает историческую изменчивость предпочтений и поведения экономических агентов³. Существует тесная связь между способностью экономических агентов к ассоциированию и формированием их предпочтений и поведения, зависящих от привычек. Если бы индивидуум существовал в одиночестве, то его предпочтения формировались бы в моральном вакууме. Но предпочтения поддерживаются окружающими условиями, обществом и некоторыми группами людей. Поведение всегда изменяется, в этом и состоит различие между ним и физиологическими процессами.

Современная эволюционная экономика неоднородна. Она может быть разделена на два направления: 1) конвергентная с неоклассикой эволюционная экономика; 2) неэволюционная экономика⁴, рассматривающая не только эффективные, но и

¹ *Hodgson G.* Economics and Evolution: Bringing Life Back into Economics. Cambridge: Polity Press, 1993.

² *Dopfer K.* Toward a theory of economic institutions: Synergy and path dependency // Journal of Economic Issues. Jun. 1991. V. 25. № 2.

³ *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003.

⁴ На существование данного направления указывают Н. Флигстин и Р. Филанд (*Fligstein N., Feeland R.* Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // Annual Review of Sociology. 1995. Vol. 21. P. 21—43).

субоптимальные и неэффективные институциональные и технологические изменения в рамках концепции зависимости от предшествующей траектории развития (path dependence).

Неоклассический подход к анализу эволюции связан с исследованием определенного процесса, который приведет к прогрессу и в результате которого устанавливается единственное оптимальное равновесие¹. Это доказывается эволюционной теорией игр, в рамках которой определяются параметры равновесия и которую иногда называют теорией равновесного выбора. Если отбор осуществляется достаточно долго на основе имеющихся вариантов, то в отсутствие каких-либо инноваций в конечном счете система достигнет состояния с минимальным отклонением, т.е. равновесия. Очевидно, эта концептуальная позиция не является завершенным состоянием взгляда на эволюцию в экономике, технологических или природных системах. Тип эволюции, особенности ее структуры и формы проявляются во взаимодействии между отбором и инновацией.

Необходимо отметить, что фундаментальной единицей анализа в традиционной эволюционной экономике выступают не популяция и не индивидуум, а то, что могло бы быть широко описано как информация в той или иной форме. Общей для любой эволюционной системы является идея развития информации во времени. Популяции фирм, рутины, управления — способы распространения этой информации, формирующей основу успеха или неудачи того или иного экономического действия. Также необходимо учитывать, что социальная эволюция осуществляется через передачу навыков и информации не от одних только биологических родителей индивида, но и от неслетного числа его предков².

Эволюционная экономика основывается на принципах изменения, отбора и наследования, а также на объяснении процесса наблюдаемых изменений в системе взаимодействия этих трех характеристик. Другими словами, если система допускает

¹ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4.

² Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 47.

разнообразии этих элементов, то сохраняются только те из них, которые наилучшим образом соответствуют окружению, поскольку отбираются согласно этому критерию¹. Понятие наследования употребляется в том смысле, что те элементы, которые выживают, продолжают проявлять свои положительные свойства в следующем периоде (между тем как свойства, принадлежащие не выжившим элементам, вымирают вместе с ними)². Это характеризует перенос смысла старой идеи Г. Спенсера³ «выживания самого приспособленного» на экономическую теорию. Поэтому самым распространенным в экономической научной литературе является отбор наиболее эффективных фирм и форм хозяйствования в процессе конкуренции на продуктовых рынках. Некоторые фирмы выживают, а другие умирают, это зависит от прибыли, связанной с индивидуальной стратегией. Если давление отбора достаточно высоко, то выживут только самые эффективные или лучше всего приспособленные к данным институциональным условиям ведения хозяйственной деятельности. Выжившие фирмы, следовательно, действуют эффективно, даже если выбор стратегии не совсем хорошо обдуман. Однако такая точка зрения является примером трюизма о том, что выжившее фирмы наиболее эффективны, так как эффективные выживают⁴. Здесь необходимо обратить внимание на тавтологичность основного принципа дарвинизма — «выживание наиболее выживаемых (или приспособленных)». На этот факт указывали как первые критики дарвинизма, так и создатели синте-

¹ *Powell J. H., Wakeley T.M.* Evolutionary concepts and business economics: Towards a normative approach, *Journal of Business Research*, Vol. 56. Issue 2. February 2003.

² Данная точка зрения разделяется не всеми представителями эволюционной экономики и берет свое начало с широко известной работы Армена Алчиана. См.: *Alchian A.A.* Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. Jun. 1950. V. 58. № 3.

³ *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998. Т. 1. С. 388—465.

⁴ *Knudsen T.* Economic selection theory // *Journal of Evolutionary Economics* (2002) Vol. 12. No. 4. P. 446.

тической теории эволюции К.Х. Уоддингтон, Р. Фишер, Дж. Б.С. Холдейн, Г.Г. Симпсон¹.

Согласно конвергентному с неоклассикой подходу к исследованию экономической эволюции в условиях конкуренции, преимущества получают фирмы, реализующие принцип максимизации в своих рыночных взаимодействиях, что позволяет им успешно проходить эволюционный отбор и вытеснять фирмы, характеризующиеся отличными от них поведенческими предпосылками и рутинными. Следовательно, будут отбираться технологии, рутины и институты, наиболее благоприятствующие реализации принципа максимизации прибыли, снижающие транзакционные издержки. Однако в рамках новейших направлений эволюционной экономики данное положение не всегда выполнимо, вследствие чего может происходить отбор и сравнительно неэффективных институциональных структур.

Напротив, согласно неоэволюционной парадигме, вследствие зависимости от предшествующей траектории развития (*path dependence*) могут отбираться и быть устойчивыми неоптимальные варианты технологического институционального развития. Зависимость от предшествующей траектории развития является феноменом, объясняющим, почему настоящие акты выбора агентов *могут* зависеть от актов выбора, сделанных ранее (случайных, незначительных исторических событий и т.д.). Для анализа в рамках данной концепции важны сама последовательность исторических событий и те институциональные рамки, в которых предыдущие акты выбора, и, соответственно, отбора производились. Чем дальше развивается система, в случаях, когда наблюдается феномен «*path dependence*» (а он, конечно, существует не всегда), тем сильнее прошлые акты выбора влияют на настоящие. После прохождения некоторой границы процесс становится необратимым, т.е. альтернативные акты выбора становятся невозможными (по Б. Артуру, в условиях возрастающей

¹ Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: URSS, 2005. С. 62.

отдачи¹). Наступает эффект блокировки, т.е. система замыкается на исторически определенных альтернативах актов выбора.

Отбор институтов может зависеть от типа взаимодействий экономических субъектов, которые детерминируют образование института. Эти типы взаимодействий зависят от исторического контекста культурных и иных институциональных особенностей развития того или иного хозяйственного порядка. Следовательно, отбор институтов осуществляется по критерию соответствия текущих взаимодействий с прошлыми, что зависит от качества социального капитала. Это определяет формирование и отбор неэффективных институтов и технологий, которые, будучи сравнительно неэффективными (согласно концепции эффективности рыночного процесса), закрепляются, соответствуя предыдущим взаимодействиям, сформировавшим настоящие институциональные структуры. Это означает, что тип взаимодействий экономических субъектов закрепляется в «исторической памяти» (функционализации) института и определяет его эволюцию.

В результате рыночного отбора информационные сигналы приобретают те свойства, которые были заданы начальным распределением информации; начальные условия зависят от социальных институциональных рамок, а также от познавательных возможностей индивидов; последние, в свою очередь, зависят от качества человеческого и социального капитала. Такой отбор приведет к результатам, не поддающимся точному прогнозу, но в направлении, заданном первоначальными информационно-институциональными рамками, что отражает информационную природу институтов. Здесь необходимо отметить, что начальные институциональные условия формируются спонтанно, часто под воздействием незначительных (с точки зрения современников) или даже случайных факторов. В этом случае, как обосновано выше, полезно применение методологии неэволюционной экономики, в частности, зависимости от предшествующей траекто-

¹ Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. Mar. 1989. V. 99. № 394.

рии развития¹. Как показал ведущий представитель этого исследовательского направления Б. Артур, незначительные исторические события не могут быть опущены или усреднены в долгосрочном процессе, так как они могут предопределить наступление того или иного последствия². Эти исторические события и есть первоначальные институциональные ограничения, которые вследствие инертности политических, технологических и институциональных структур³ могут, в зависимости от различных факторов, приводить систему к ситуации расширения или свертывания обменов.

Как уже отмечалось, формирование хозяйственного порядка осуществляется при участии государства. Именно государство выступает организующим элементом институциональной структуры (*institutional arrangement*) или институциональной среды (*institutional environment*)⁴. Но действия государства во многом зависят от доминирующих во властных структурах групп специальных интересов. Таким образом, государство является основным институциональным инноватором, который создает и поддерживает институциональную структуру того или иного хозяйственного порядка.

В исторических рамках российского хозяйственного порядка неоднократно осуществлялись внедрение и импорт институтов, что происходило в результате трансформационного кризиса, описываемого моделью бутылочного горлышка. Мы хотим акцентировать внимание лишь на одной институциональной инновации, связанной с институциональным импортом, — институте власти-собственности.

¹ Основные положения данной концепции содержатся в работах: *Arthur W.B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994; *David P.A.* Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*. 1985. V. 75. № 2.

² *Arthur W.B.* Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *Economic Journal*. Mar., 1989. V. 99. № 394.

³ *Mokyr J.* Technological Inertia in Economic History // *Journal of Economic History*. Jun. 1992. V. 52. № 2.

⁴ Оба термина используются О. Уильямсоном. См.: *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб., 1996.

Объяснение устойчивости института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка можно дать на основании гипотезы о зависимости от предшествующей траектории развития. Институт власти-собственности не одну сотню лет доминирует в российской экономике. Более того, именно доминирование института власти-собственности во многом является важнейшей характеристикой российского хозяйственного порядка. Причем этот институт эксплицитно является неэффективным по сравнению с абсолютной частной или индивидуализированной собственностью. Формирование институтов собственности в России можно считать исторически обусловленным процессом, который не укладывается в модель традиционной эволюционной экономики, предусматривающей развитие экономических институтов от менее эффективных к более эффективным. Если учитывать последовательность исторических событий с позиций неэволюционной экономики, то можно выделить примеры зависимых от предшествующего пути развития событий, а также эффекта блокировки, закрепляющего неэффективные и субоптимальные экономические институты¹.

Если эволюционное формирование института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка описывается моделью зависимости от предшествующей траектории развития, то можно найти те исторические события, которые позволили данному институту закрепиться (lock in) благодаря возрастающей отдаче от масштаба. Таким историческим отрезком можно считать время царствования Ивана Грозного. Необходимо отметить, что в XVI в. институт власти-собственности лишь окончательно закрепился, но начал формироваться он несколькими веками раньше. Данному институту в то время существовали альтернативы даже в рамках российского хозяйства, например, новгородская модель собственности в XIII—XV вв.

В российской истории можно найти пример одновременного существования различных институциональных режимов собственности. В начале XV в. сформировались две модели собствен-

¹ Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Mar., 1989. V. 99. № 394.

ности на землю как доминантный для того времени хозяйственный актив, которые нами различаются: новгородская и московская. Московская модель характеризуется вотчинным землевладением, послужившим в дальнейшем основой формирования института власти-собственности. Новгородская модель, напротив, отличается либеральным характером, фактически абсолютным правом собственности и многосубъектностью землевладения¹. Относительно перспектив институционального развития экономики новгородская модель была, конечно, более предпочтительной.

В рамках новгородской модели важнейший актив того времени — земельная собственность — мог принадлежать следующим категориям: боярам, монастырям, житейным людям и земцам (или своеземцам), причем последние две категории собственников фактически отсутствовали в московской модели землевладения.

Важной особенностью новгородского землевладения был класс крестьян-собственников, которые назывались земцами (или своеземцами). Этого класса мы не встречаем на всем пространстве княжеской Руси: там все крестьяне работали либо на государственных, либо на частных землях. Своеземцы меняли и продавали свои земли, выкупали у родичей, отдавали в приданое за дочерьми; даже женщины, вдовы и сестры являлись владелицами и совладелицами таких земель. В отличие от княжеской Руси, в Новгородской и Псковской землях право земельной собственности не было привилегией высшего служилого или правительственного класса; оно было усвоено и другими классами свободного населения². С последующим доминированием московского варианта вотчинного землевладения крестьяне постепенно теряют свои земли. Земля сосредоточивается в руках крупных землевладельцев, духовных и светских, а с землей переходит к ним власть; сила покоится на богатстве³. Потребова-

¹ *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1995. С. 395—401.

² *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 400—402.

³ *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004. С. 51.

лось почти четыре столетия, чтобы класс крестьян-собственников снова возник в Российской империи. Но, как показывает история, влияние этого класса было невелико, что является одной из причин российских революций.

Эволюция московской модели собственности привела, по выражению Р. Пайпса¹, к формированию вотчинного государства, которое базировалось на институте власти-собственности. Таким образом, власть московских князей, а впоследствии — российских царей и императоров имела характер вотчинной власти, следовательно, они не только управляли страной, но и владели ею².

Замыкание российской экономики на институте власти-собственности произошло вследствие возрастающей отдачи от внедрения данного института, так как, согласно подходу Б. Артура, в случае возрастающей отдачи возникновение эффекта блокировки и закрепление субоптимальных институтов возможно с высокой вероятностью. Поскольку московская армия комплектовалась воинами, получавшими служебные имения, то вотчинно-помещичья система давала растущий эффект от масштаба: чем больше земель присоединяла Москва, тем многочисленнее была ее профессиональная армия. Бояре и помещики присоединяемых княжеств либо изъявляли покорность Москве и вливались в ее армию, либо, если они успели зарекомендовать себя противниками Москвы, подвергались репрессиям, а их земли раздавали лояльным к новой власти воинам³.

Вотчинная форма землевладения, характерная для московской модели, не позволяла формироваться устойчивым группам, которые были бы заинтересованы и имели возможности внедрить институциональные инновации, способствующие индивидуализации собственности. Блокировка на институте власти-собственности объясняется не только зависимостью от предше-

¹ *Пайнс Р.* Собственность и свобода. М., 2000.

² *Летенко А.В.* Российские хозяйственные реформы: история и уроки. М.: Наука, 2004. С. 17.

³ *Латов Ю.В.* Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 2. 2004. № 4. С. 117—118.

ствующего пути развития, но и тем, что такая система собственности, служа интересам государства (в лице верховной власти), не позволяла сформироваться устойчивым группам, заинтересованным в иных институциональных альтернативах. Устойчивость и экспансия государства сочеталась в этой модели с нестабильностью и условностью прав собственности (в основном собственности на землю).

Согласно современным работам российских историков, поместная система землепользования была заимствована у Османской империи. Таким образом, произошел институциональный импорт, который позволял верховной власти осуществлять как внешнюю, так и внутреннюю экспансию, что согласуется с гипотезой о возрастающей отдаче института власти-собственности. Более того, реформы, в результате которых окончательно сформировался устойчивый институт власти-собственности, были сознательным импортом норм иного хозяйственного порядка. Известно, что Иван Грозный в целом следовал определенному проекту преобразований; также известен человек, предложивший этот проект, — Иван Пересветов. 8 сентября 1549 г. в церкви Рождества Богородицы Пересветов вручил царю челобитную с проектом реформ. Иван Пересветов был русским дворянином из Литвы, многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки и советовал царю брать пример с Турции¹.

Схожесть российских политических институтов с османскими отмечали и иностранные современники. Так, посланник английской королевы Елизаветы I Джон Флетчер отмечал, что образ правления у русских весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических². К XVI веку поместная система существовала в

¹ *Нефедов С.А.* Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11.

² *Флетчер Дж.* О русском государстве. М.: Захаров, 2002. С. 40.

двух странах: в России и в Османской империи (в Турции поместье называлось тимаром, а помещик — тимариотом, или сипахи¹).

В XVI в. институт власти-собственности, выросший из поместной системы землевладения, видимо, не был абсолютно неэффективным и позволял создать крупное централизованное государство. Поэтому эволюция российского института собственности воспроизводит власть-собственность, которая наблюдается на всех этапах истории, например, в рамках социалистического хозяйства², изменяясь и приспособляясь к трансформирующимся политическим институтам. Доминирование института власти-собственности приводит к тому, что обладание значительным богатством напрямую зависит от отношений субъектов собственности с действующей властью. Однако Ф. Хайек отмечал: «...общество, в котором власть сосредоточена в руках богатых, существенно отличается от общества, в котором богатыми могут стать только те, в чьих руках находится власть»³. Таким образом, формирование эффективной институциональной структуры российского хозяйственного порядка во многом зависит от того, как будут эволюционировать институты собственности, а также от преодоления инерции власти-собственности.

Доминирование и закрепление института власти-собственности вследствие зависимости от предшествующего пути развития и эффекта блокировки не позволяет включиться механизмам отбора институтов и сформироваться рынку институтов. Ограничение в сфере институциональной эволюции непосредственно сказывается на показателях благосостояния, человеческого и социального капитала. Необходимо отметить, что в научной литературе существуют две противоположные точки зрения относительно причинной связи между институтами, человеческим капиталом и экономическим ростом. Согласно первой, именно

¹ Нефедов С.А. Указ. соч.

² Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 10—31.

³ Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7. С. 224.

качественные политические и экономические институты детерминируют экономический рост и долгосрочные тенденции роста благосостояния всех групп населения, что положительно отражается на показателях человеческого и социального капиталов¹. Согласно второй, именно накопленный человеческий и социальный капитал позволяет тому или иному социуму создавать те экономические и политические институты, которые способствуют долгосрочному экономическому росту². Данные две точки зрения на причины формирования эффективных институтов имеют право на существование, так как они акцентируют внимание на различных аспектах внедрения и эволюционного формирования институциональной структуры. Важно учитывать именно эволюционный характер возникновения и развития институтов.

Часто встречающаяся ошибка современных экономистов заключается в том, что они забывают о человеческой природе экономических акторов. Действующие экономические субъекты должны ориентироваться в окружающей экономической и социальной среде и понимать ее. Не случайно родоначальник нового институционализма Р. Коуз отмечал, что индивиды нуждаются в институтах, которые они способны понять, с которыми у них есть опыт работы³. Поэтому невозможно успешное осуществление институциональных реформ и функционирование эффективных и качественных институтов без понимания у большинства экономических акторов их сущности и механизмов функционирования. Понимание во многом зависит от традиции обучения и особенностей социализации индивидов и, следовательно, показателей человеческого капитала.

¹ *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // Тезис. Т. 1. Вып. 2. М., 1993; *Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J.* (2005) Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S.N. Durlauf (eds), Handbook of Economic Growth, Vol. 1. New York. Elsevier. P. 385—472.

² *Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A.* (2004) Do Institutions Cause Growth? NBER Working Paper, 10568, June.

³ Интервью с Р. Коузом // Квартальный бюллетень Клуба экономистов. Вып. 1. 1999. № 4. С. 21.

Важность воздействия, которое оказывают на качество институтов показатели человеческого капитала, позволяет задуматься о том, что функционирование и «производство» институтов можно сравнить с общественными благами¹. Хотя данная аналогия не является новой, у институтов есть существенное отличие от общественных благ. Качественные институты непосредственно не «производятся» государством, если государство трактуется как институт². Определяя качество государства через качество институтов и наоборот, мы скатываемся к откровенной тавтологии.

Если исследованию человеческого капитала посвящено множество научной литературы, то исследования, посвященные социальному капиталу, являются довольно редкими. Но ведь именно социальный капитал составляет важнейшую характеристику гражданского общества, без которого немыслима эффективная и устойчивая рыночная экономика. Необходимо отметить, что все три показателя, которые приведены в показателе качества институтов, находятся во взаимосвязи. Характер и природа данной связи требуют подробных исследований. Однако наиболее важным представляется вопрос о социальных связях и структурировании социальных взаимодействий. И здесь социальный капитал и группы специальных интересов наиболее значимы.

Исследование влияния социального капитала на экономическое развитие связано с выявлением качественных характеристик социально-экономического порядка, в отличие от механистических количественных подходов, которые доминируют в неоклассике. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно.

¹ *Шаститко А.Е.* Институты как общественные блага // Вестник МГУ. Серия: Экономика. 1996. № 5.

² Относя государство к институтам или организациям, мы сталкиваемся с дихотомией: с одной стороны — это институт, регламентирующий конституционные правила существования людей в рамках того или иного национального образования, с другой — организация, которая производит коллективные блага и, возможно, институты.

Например, группа, внутри которой существуют полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами¹. Рассмотрение категории социального капитала в институциональном контексте предполагает, что учитывается не столько существующий запас социального капитала, сколько динамика качественных институциональных ограничений.

Необходимо отметить, что, несмотря на кажущуюся схожесть человеческого и социального капиталов (оба они принадлежат к сфере качественных показателей, границы которых размыты социальной сферой), это различные категории. В отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойствен структуре связей между экономическими агентами и среди них. Он не является атрибутом отдельного человека².

Социальный капитал — это источник экономического роста, возникающий за счет формирования специфической локальной институциональной среды³. На макроуровне формирование и накопление социального капитала сопряжены с возникновением, изменением и функционированием институтов, регулирующих хозяйственные связи между субъектами. Поэтому проблема социального капитала не может рассматриваться отдельно от проблемы формирования и функционирования институтов и институциональной структуры экономики. Необходимо учитывать, что функционирование институтов определяется родом их деятельности, культурными традициями и многими другими факторами, в числе которых эффективность — далеко не определяющий параметр. Перемены чаще происходят с ними потому, что меняются те ценности, которые обуславливают их существование, или они сами становятся несовместимыми с другими

¹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 126.

² Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 5.

³ Дискин И.Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // *Проблемы прогнозирования*. 1997. № 1. С. 85.

ценностями и институтами, но никак не по соображениям эффективности¹.

Исследования различных типов рыночных экономических систем показывают, что экономический институт — это обязательный компонент устойчивых отношений между агентами, обеспечивающий взаимодействие и согласование интересов на основе соблюдения формальных правил и неформальных норм хозяйственного поведения². Социальный капитал как дополнительный компонент социальной связи формирует ее качество, организует взаимодействие в соответствии со своими принципами и способствует достижению агентами экономического результата. Однако выполнить свое предназначение в полной мере он может лишь при наличии институциональной среды, адекватной поставленным задачам.

Часто социальный капитал отождествляется с социальной солидарностью и тем, что сопутствует ожиданиям «правильного поведения»³. Сама неоднозначность данного определения отражает многогранность жизни ассоциаций, разнообразные составляющие социальной солидарности. Именно формирование доверия, достоверности выполнения обязательств имеет прямое отношение к опережающему экономическому развитию стран Запада⁴. В России наблюдается довольно парадоксальный факт: при наличии коллективистских настроений, согласно социологическим исследованиям⁵, не существуют традиции солидарного

¹ *Оффе К.* Политэкономия: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С. 668.

² *Frederic L. Pryor.* Market economic systems // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 33. 2005. P. 25—46.

³ *Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-пресс, 2002.

⁴ *Норт Д.* Пять тезисов об институциональных изменениях // Квартальный бюллетень клуба экономистов. Вып. 4. Минск: Пропилен, 2000.

⁵ *Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта. Кн. 1—3. М., 1991; *Shlapentokh V.* Public and private life of Soviet people. Changing values in Post-Stalin Russia. N.Y. 1989; *Олейник А.Н.* Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989—1995 // Политические исследования. 1996. № 10.

поведения и построения общественных отношений на основе взаимности.

Индивидуализм как характеристика саморегулируемого рыночного обмена сопряжен с идеей доверия, однако становление доверия не является процессом линейным или одинаковым во всех обществах и при всех рыночных системах. Необходимо отметить, что понятие индивида и индивидуальной деятельности не является единственным возможным базисом социального устройства, даже если речь идет о современных социальных устройствах. Например, в Японии и других южноазиатских странах, в которых основанному на генерализованных родственных связях духовной близости социальному капиталу также соответствовал высокий уровень современного экономического развития¹.

Социальный капитал можно рассматривать как экономический метаинститут², который детерминирует специфические ограничения и предпочтения формального и неформального характера, обеспечивающие взаимодействие хозяйственных агентов за счет включения в анализ методологических принципов доверия, обязательств и санкций. Использование концепции социального капитала позволяет рассматривать взаимодействие экономических агентов сквозь призму взаимности и возмездности в условиях рыночных отношений.

Накопление и тиражирование в обществе социального капитала осуществляется через процесс его институционализации. Институционализация социального капитала в хозяйственных порядках предполагает создание и эволюцию рутин технологий, определяющих тип экономических отношений и формирующих фундаментальные институциональные предпосылки для становления того или иного типа экономического порядка. Как уже

¹ Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-пресс, 2002. С. 83—84.

² Метаинститут не надо путать с институтами как правилами и механизмами, обеспечивающими их выполнение. Метаинститут, если говорить образно, представляет собой тот материал, на базе которого формируются правила, впоследствии становящиеся институтами. Было бы логично предположить, что, например, из социального капитала, основанного на доверии и солидарности, формируются институты более эффективные, чем институты, основанные на принципах коллективизма, принуждения и патернализма.

отмечалось, индивид одновременно может являться членом групп, включенных в действие многих институтов. Принятие статуса хозяйствующего агента вынуждает его в каждом конкретном случае обращаться к практике отдельного института или нескольких из них, что помогает создавать организационную и мотивационную основы связи, которые устанавливаются в сделках.

Устойчивость и доминирование условной формы собственности может быть объяснено тем фактом, что в России политическое устройство и специфика социального капитала не позволяла сформироваться группам со всеохватывающими интересами по М. Олсону¹, которые были бы в состоянии выступить институциональными инноваторами структур способных изменить траекторию институционального развития, замкнутую на институт власти-собственности. Накопление и тиражирование в обществе социального капитала осуществляется через процесс его институционализации. Институционализация социального капитала в хозяйственных порядках предполагает создание и эволюцию рутин технологий, определяющих тип экономических отношений и формирующих фундаментальные институциональные предпосылки для становления того или иного типа экономического порядка.

Институционализация социального капитала приводит к формированию такой институциональной структуры, которая кроме снижения (повышения) транзакционных издержек создает стимулы у экономических акторов для участия в хозяйственных процессах. Однако необходимо отметить, что российский институт власти-собственности сформировался в коллективистском обществе, отличительными признаками которого являются соборность и господство общественных интересов над индивидуальными. С большой долей условности можно сказать, что

¹ *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998; *Olson M. Jr.* The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // *American Economic Review*. May. 1995. V. 85. № 2. Papers and Proceedings of the Hundredth and Seventh Annual Meeting of the American Economic Association. Washington, DC, January 6—8. 1995. P. 22—27.

социальный капитал, способствующий формированию института власти-собственности, основывается на коллективизме несвободных людей, а институт абсолютной частной (индивидуализированной) собственности основан на солидарности свободных людей.

Многие социологи и историки отмечают, что особенности институциональной организации общества в России базировались на коллективистском менталитете и мышлении, где индивидуальный интерес и, следовательно, индивидуальные свободы личности не имели безусловной ценности, но без последних формирование и доминирование абсолютной частной собственности невозможно. Так, например, И.Б. Чубайс отмечает, что на протяжении многих столетий Россия выстраивалась на трех китах, на трех фундаментальных началах — православии, собирании земель, переросшем в имперскую политику, и на общинном коллективизме. Это и есть главные составляющие русской идеи. Отмеченные особенности являются глубинными характеристиками, задающими три ее направления, — духовность (в традиционной форме православия), государственную стратегию (собирание земель и охранение собранного) и социально-экономическую ментальность (ориентацию на общинный коллективизм)¹.

Здесь необходимо провести различия между понятиями коллективизма и солидарности, используемыми в данной работе. Под коллективизмом понимается сознательное подчинение личных интересов общественным, а солидарность связывается с общностью интересов и активным содействием чьим-либо действиям. Именно солидарные действия групп интересов, способствовавшие внедрению института абсолютной частной собственности (например, в 1215 г. принуждение баронами Иоанна Безземельного принять Великую хартию вольностей), позволили внедрить институциональную инновацию, которая в долгосрочном периоде явилась выражением всеохватывающих общественных интересов (по М. Олсону). В России, наоборот, коллекти-

¹ Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ (Заметки консерватора) // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 31.

вистский менталитет и действия власти не позволяли сформироваться группам интересов, заинтересованным и способным к внедрению индивидуализированной собственности. Также необходимо отметить, что российский коллективизм сформировался в ходе длительной эволюции экономического и внеэкономического принуждения. Несколько утрировано В. Кантор отмечает, что хваленый коллективизм и соборность русского народа мгновенно рассыпается в прах, когда нет внешней принудительной силы. Если, разумеется, не считать общиной бандитские шайки¹.

Российский коллективизм является отрицанием свойственной Западу нравственной легитимации частной пользы и выгоды, которой на Руси не было до правления Петра, но и при нем она не появилась². В отечественной традиции частным интересам отводилась производная, вспомогательная, обслуживающая роль — личные интересы должны быть подчинены общественным. В таких условиях институт власти-собственности больше всего подходит для реализации «общественного интереса» применительно к хозяйственной жизни.

Если утверждение института власти-собственности в России было связано с условным владением землей, то развитие этого института в XIX в. и начале XX в. является отражением объективных процессов индустриализации. Необходимо отметить, что роль государства в процессе индустриализации была ведущей, и именно решения государственной власти, например, в строительстве и эксплуатации железных дорог, способствовали созданию и накоплению промышленных капиталов, созданию и распределению объектов промышленности и транспорта.

Во второй половине XIX в. и начале XX в. в Российской империи наблюдалась тенденция огосударствления многих ключевых для экономики объектов собственности. Государство не только контролировало как собственник значительную долю промышленного производства и природных ресурсов, но и постоянно расширяло свое интервенционистское воздействие на

¹ Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историческо-философские очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 105.

² Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.

хозяйственные процессы. Процессы индустриального развития повлияли на эволюцию власти-собственности, которая все больше стала распространяться на промышленные предприятия.

В дореволюционной России государство было одним из крупнейших собственников. Более того, государственное регулирование способствовало накоплению и перераспределению капиталов в те отрасли и предприятия, собственники которых были так или иначе аффилированы с властными структурами¹. Динамика государственных расходов в Российской империи, направленных на развитие экономики, отражает их рост с 45,5% в 1861 г. до 55,2% в 1914 г.² В таблице показана динамика прибыли государства и ее доли в государственном бюджете от государственных имуществ и предприятий. И хотя существует точка зрения, что цифра в 60% доли прибыли в государственном бюджете завышена, однако признается, что она была велика. Также необходимо отметить, что государство значительно влияло на экономику путем распределения государственных заказов, которые в отдельных отраслях составляли до 40% от всего объема производства³.

Таблица 3.1. **Прибыль государства от государственных имуществ и предприятий в государственном бюджете⁴**

<i>Год</i>	<i>Прибыль государства от государственных предприятий, млн руб.</i>	<i>Доля данной прибыли в государственном бюджете, %</i>
1877	51,4	8,7
1897	484,8	34,2
1908	1470,8	—
1914	1964,0	Около 60

¹ Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 1998.

² Black C. Transformation of Russian Society. Cambridge, Massachusetts, 1960. P. 217 (Цит. по Макаренко В.П.).

³ Лапина С.Н., Делюхина Н.Д. Государственная собственность в России: некоторые исторические уроки // Собственность в России в XX столетии. М.: РОС-СПЭН, 2001. С. 221.

⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства в СССР. Т. 2. М., 1952. С. 390.

Государственный контроль над экономикой выражался также в высоких административных барьерах при создании крупных промышленных предприятий в форме акционерных обществ. На протяжении XIX в. и вплоть до 1917 г. создание промышленных акционерных общества было сопряжено с разрешительным порядком регистрации, которая заканчивалась утверждением устава общества Императором. Следует отметить, что сам устав создаваемого акционерного общества составлялся по выработанным в министерствах образцам и вместе с прошением подавался в заинтересованное ведомство для получения конфирмации императора¹. В промышленности вообще существовал более строгий порядок открытия новых производств. Этот порядок был связан с обязательной санкцией начальства губернских и уездных городов и округов. Для предприятий, которые не входили в особый список Министерства внутренних дел, согласованный с Министерством финансов, порядок регистрации был более сложным и требовал, например, в г. Санкт-Петербурге санкции градоначальника². Данные правовые институты в начале XX в. негативно сказывались на развитии промышленности, но вследствие институциональной инерции власти-собственности не были изменены.

Защита и спецификация прав собственности связаны с транзакционными издержками. Поэтому функционирование современной абсолютной частной (индивидуализированной) собственности связано с наличием соответствующего транзакционного сектора. Д. Норт подчеркивает, что возникновение политических институтов, определяющих «эффективные» права собственности и обеспечивающих все более надежную защиту этих прав, неизбежно влияет на развитие экономических институтов, способствующих рыночному обмену. В результате издержки осуществления каждой отдельной транзакции сокращаются, но в целом доля транзакционного сектора в ВВП все более возрастает.

¹ Поткина И.В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 308.

² Там же. С. 310—311.

тает по мере того, как растущая специализация и разделение труда умножают совокупный объем меновых операций. Именно это происходило в США, где оцененный размер транзакционного сектора в 1870 г. составлял около четверти ВВП, а в 1970 г. — почти половину¹. Наряду с транзакционным сектором в развитых странах с эффективным институтом абсолютной частной (индивидуализированной) собственности существует большой и дорогостоящий государственный аппарат. Большие затраты на содержание государственного аппарата являются противоположностью ситуации, когда низкие зарплаты чиновников компенсируются «кормлением от дел».

3.3. Эволюция административного регулирования экономики в России

Как уже отмечалось, экономические системы характеризуются не только специфическими признаками и институциональной структурой, они сохраняют и генетические черты предшествующих экономических порядков. В рамках российского хозяйственного порядка, предшествующего современным переходным процессам, были сформированы устойчивые стереотипы экономического мышления, которые во многом определяют мотивацию и формы экономического поведения агентов формирующейся рыночной экономики. Поэтому анализ проблемы эволюции института власти-собственности в России может рассматриваться в контексте существующих административных механизмов регулирования экономики.

Как правило, современная экономическая теория изучает зрелое состояние рыночной экономики как детерминированной и в определенном смысле закрытой системы с позиций устойчивости и равновесия, упорядоченности и однородности, делая акцент на представлении о развитии как поступательном процессе. Однако общая теория систем, теория бифуркаций и катастроф, термодинамика неравновесных процессов, синергетика показали нелинейность, стохастичность, вероятностный харак-

¹ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение. Вып. 2. Т. 1. // THESIS. 1993. С. 78.

тер будущих состояний сложных систем¹, одной из которых является экономика.

Применение эволюционного подхода к анализу экономических трансформаций позволяет получить вывод о том, что поведенческие модели основных хозяйствующих субъектов не могут быть изменены за короткий промежуток времени в связи с действием эффекта институциональной инерции. При анализе переходных процессов это требует учета влияния институционального «генотипа» предшествующего экономического порядка. Институциональный генотип отражается прежде всего в существовании устойчивых неформальных правил, обычаев, традиций, которые в первую очередь формируют стереотипы экономического поведения и в целом экономическую культуру. Такое воздействие представляет собой культурную национальную традицию.

Переход к рынку означал в первую очередь замену государственно-плановой координации деятельности хозяйствующих субъектов преимущественно рыночным экономическим порядком. Однако формирование новых рыночных механизмов в России не вписывается в стандартные схемы, например, Международного валютного фонда. Дж. Стиглиц отмечает, что при реформировании посткоммунистических экономик неоклассические схемы, изложенные в большинстве современных учебников, подходят мало². Это происходит потому, что срабатывает институциональная инерция, т.е. следование экономических субъектов привычным нормам, определяемым сложившимися в обществе институтами. Сформировавшиеся на протяжении столетий правила и нормы экономического поведения, присущие российскому хозяйственному порядку, неизбежно оказывают свое воздействие на функционирование современных формирующихся рыночных механизмов.

Институциональные преобразования 90-х гг. XX в. осуществлялись в направлении либерализации (часто отождествляемой с неоклассической парадигмой), что не предотвратило, однако,

¹ Тоффлер О. Наука и мышление [Предисловие] // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог с природой. М., 1986. С. 8.

² Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 7.

формирования патерналистской по своей сути модели государственного регулирования экономики. Необходимо отметить, что такие результаты институциональной трансформации имеют исторические предпосылки, что определяет в целом неоднозначное и сложное развитие российского общества и его экономики. Многие исследователи отмечают, что практически все модернизационные реформы в российской истории начинались и продолжались под воздействием ценностей европейского либерализма, которые доказали высокую эффективность в современном мире, хотя складывались в конкретной исторической и даже географической среде, на базе определенной культуры и традиций¹.

К сожалению, в российской традиции, берущей начало задолго до рыночных реформ 1990-х гг., закрепились как традиционно высокая степень административной координации, так и менталитет населения, опирающегося на патерналистскую заботу государства во всех сферах жизни общества, включая экономическую. Эта тенденция берет начало еще в царской России: «В конце XIX — начале XX вв. Россия стала на путь модернизации и одновременно преодолевала традиционизм. Однако она не превратилась в страну либерального типа, а «застряла» между основными суперцивилизациями — традиционной и либеральной»². Специфика государственного воздействия на экономику отразилась и на формировании института власти-собственности, устойчиво существующего в рамках российского хозяйственного порядка более 500 лет³.

Парадоксально, но царская Россия обладала слабой административной сетью. Бюджет административных расходов скрывает

¹ *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998. С. 157.

² История государственного управления в России. 2-е изд. / Под ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д, 2002. С. 305.

³ *Нефедов С.А.* Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11; *Нуреев Р.М.* Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века» // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880/>; *Цирель С.В.* «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. 2006. № 3.

под собой скорее «повесть о недофинансировании», чем о перерасходе средств¹. Относительная слабость административной сети России обуславливала и дополнялась произволом лиц, наделенных административной властью на всех уровнях. Незначительное жалование чиновников в царской России компенсировалось «кормлением» с занимаемой ими во властной иерархии должности. Тенденция к превалированию произвола заполняла «вакуум», порождаемый относительной нехваткой администраторов. Эта тенденция была не столько результатом чрезмерного огосударствления, сколько «функцией» от российских территориальных масштабов и связанного с этим «недоуправления»², рудименты которого, видимо, сохранились и поныне в современных властных структурах России.

Интересен еще один исторический пример, приводимый Р. Пайпсом: «При Петре I на управление в России, которая уже тогда была самым пространством государством мира, уходило 1 350 140 тыс. рублей в год, т.е. от 3 до 4% национального бюджета. Насколько скудна была эта сумма, можно понять из следующего примера. Порядок, царивший в Ливонии, которую Петр отвоевал у Швеции, произвел на него такое сильное впечатление, что в 1718 г. он велел произвести исследование тамошней административной системы. Исследование показало, что шведское правительство расходовало на управление провинцией размером в 50 тыс. км² столько же денег, сколько российское выделяло на управление всей империей площадью свыше 15 млн км². Не пытаясь совершить невозможное и скопировать шведские методы, Петр разрушил систему управления в Ливонии»³.

Иллюстрацией слабости административной системы при относительной нехватке администраторов может служить сравнительная численность государственных служащих в России и раз-

¹ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 2004. С. 388—390.

² *Гэтредл П.* «Бедная» Россия: роль природного окружения в деятельности правительства в долгосрочной перспективе в экономической истории России // Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2000. С. 225—226.

³ Там же. С. 388.

витых странах Запада. Как видно из таблицы, относительная численность государственных служащих на 1000 человек населения и 1000 занятых в современной России ниже, чем в остальных приведенных в таблице экономически развитых странах.

Таблица 3.2. Численность работников федеральных органов исполнительной власти¹

<i>Страна</i>	<i>Год</i>	<i>Всего, тыс. человек</i>	<i>На 1000 человек населения</i>	<i>На 1000 занятых</i>
Россия	2002	446,8	3,1	6,8
Великобритания	1999	308,8	5,2	11,3
Канада	2001	160,0	5,1	10,6
США	2001	1050,4	3,7	7,8

Жесткие административные ограничения были во многом обусловлены суровой российской действительностью — географическими, климатическими, политическими, национальными (вернее, многонациональными) факторами. В дореволюционной России и правительство, и купцы, и землевладельцы-дворяне, и крестьяне стремились, скорее, к безопасности в демонстрирующем постоянную враждебность окружающем мире, нежели к усугублению этих трудностей путем принятия на себя дополнительного риска, неразрывно связанного с инновациями². Поэтому зачастую отсутствие инициативы компенсировалось особой ролью государства, что оказало неизгладимое влияние на традиции взаимоотношений бизнеса и государства.

Важным примером зависимости от предшествующего пути развития относительно функционирования государственного аппарата в Российской империи является сформировавшийся в XVIII в. механизм получения чинов и продвижения по службе.

¹ Российский статистический ежегодник. 2003. С. 659.

² Гэтрелл П. «Бедная» Россия: роль природного окружения в деятельности правительства в долговременной перспективе в экономической истории России. С. 225—226, 232.

В 1767 г. согласно решению Екатерины II все государственные чиновники, прослужившие в своем чине минимум 7 лет, автоматически продвигались на следующую ступеньку административной лестницы¹. Впоследствии Павлом I этот срок был сокращен до 3—4 лет для большинства чинов. Такой механизм продвижения по службе просуществовал вплоть до Февральской революции.

Данная институциональная инновация была внедрена случайно², но имела значительные негативные последствия. Такая система продвижения по службе поставила Табель о рангах «с ног на голову»: вместо того, чтобы чин приходил с должностью, должность теперь приходила с чином. И очень часто высокую административную должность не мог занять человек, имеющий способности и образование, но не имеющий соответствующего чина. Это привело к вопиющей некомпетентности высшего чиновничества, что неизбежно отразилось на эффективности функционирования государства, а также эффективности административного регулирования, в частности, хозяйственных отношений.

Формирование, а тем более функционирование института власти собственности зависит от бюрократии, ее организации и исторических закономерностей взаимодействия бюрократии и верховной власти.

В российской традиции бюрократия часто действовала в своих узких групповых интересах, тем самым действуя оппортунистически. Оппортунистическое поведение в поместном указе при раздаче поместий и вотчин было возможным, в частности, из-за противоречивости и фрагментарности законодательства по земельному вопросу³. Ярким примером дисфункции формальных институтов регулирования поместного и вотчинного землепользования служит фактически нереализованный указ Петра I от 23 марта 1714 г. «О единонаследии». Саботаж бюрократии и

¹ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 2004. С. 190—191.

² Там же. С. 190.

³ *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. М.: Наука, 2005. С. 26—27.

самых собственников поместий и вотчин (впрочем, различия между ними стирались этим указом) показал невозможность функционирования формальных институтов без поддержки основных существующих групп специальных интересов.

В советский период развития российской экономики функционирование института власти-собственности было единственно возможным, так как собственность на средства производства принадлежала государству. В Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. декларировалось, что основой экономической системы является социалистическая собственность в двух ее формах — государственной и колхозно-кооперативной. На законодательном уровне устанавливалось, что личная собственность граждан не могла использоваться для получения нетрудовых доходов, а ведение предпринимательской деятельности было уголовно наказуемым преступлением. Таким образом, советская система хозяйствования может быть отнесена к ультравластно-собственнической, где полностью отсутствовали индивидуализированная частная собственность, а следовательно, и персонифицированное наделение органами власти собственностью. Государство в таких условиях является единственным полноправным субъектом института власти-собственности. Необходимо отметить, что в 1970—1980-х гг. властно-собственнические отношения реализовывались в разрастающемся теневом секторе¹. Однако, как уже отмечалось, путь к огосударствлению экономики был начат задолго до 1917 г. Советская власть лишь реализовала а радикальных формах тенденции, которые формировались веками в традициях эволюционирующего института власти-собственности.

Существовавшие в советское время системы материального поощрения номенклатуры в виде дач, машин, пайков, премий, и других привилегий может быть также отнесена к институту власти-собственности в его социалистической модификации. Также немаловажным фактором способствующим функционированию института власти-собственности является «институциональная

¹ Тимофеев Л. Институциональная коррупция. М.: РГГУ, 2000.

коррупция»¹ или «кормление от дел»², которые характеризуют ситуацию, когда принадлежность к власти открывает большие возможности как для легальных раздач благ, так и для теневых доходов разного рода.

Приватизация государственной собственности, проводимая в постсоветский период, дает много примеров функционирования власти-собственности³. Одной из самых ярких иллюстраций функционирования института власти-собственности можно считать проведение залоговых аукционов в преддверии президентских выборов 1996 г. Многочисленные нарушения тогда действующих законов позволили реализовать принцип наделения собственностью лиц, связанных с властными структурами. Так, вопреки ст. 12 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1995 год», устанавливающей, что в текущем году при приватизации досрочная продажа закрепленных в федеральной собственности пакетов акций нефтяных компаний, созданных и создаваемых в соответствии с указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ, не осуществляется, Госкомимущество России выставило в 1995 г. на инвестиционные конкурсы (торги) и залоговые аукционы пакеты акций нефтяных компаний «Юкос», «Лукойл», «Сиданко», «Сургутнефтегаз» и др.⁴ Фактически произошла классическая для института условной собственности сделка — власть в обмен на собственность, а обладание властью позволило включиться в новые процессы перераспределения собственности.

Сформировавшаяся в результате приватизации 90-х гг. XX в. структура собственности в российской экономике не является

¹ Термин «институциональная коррупция» используется Львом Тимофеевым для характеристики всеобъемлющих теневых рынков в Советском Союзе. См.: *Тимофеев Л.* Институциональная коррупция. М.: РГГУ, 2000.

² *Кондратьева Т.* Кормить и править: о власти в России XVI—XX вв. М.: РОС-СПЭН, 2006.

³ *Нуреев Р. М., Рунов А. Б.* Указ. соч.

⁴ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы — Председатель Счетной палаты РФ С. В. Степашин. М.: Олита, 2004. С. 52.

стабильной и может быть подвержена процессам деприватизации и реприватизации. Соответственно, деприватизация будет осуществляться в рамках, заданных институтом власти-собственности, скорее бюрократическим, чем демократическим путем. Реприватизацию, пользуясь предложенным Р.М. Нуреевым подходом¹, также можно разделить на государственно-бюрократическую и демократическую. В сложившихся институциональных условиях доминировать будет также государственно-бюрократический вариант. Формирование демократического варианта как деприватизации, так и реприватизации возможно при формировании мер экономической политики, которые отражают всеохватывающие интересы. Если, наоборот, доминируют узкие группы специальных интересов, то результатом этого является социально-неэффективная политика и бедность².

Важным фактическим материалом, характеризующим эволюцию постсоветских власть-собственнических отношений, могут служить процессы, связанные с приватизацией земли сельскохозяйственного назначения бывших совхозов и колхозов. К 1994 году формально все совхозы и колхозы были преобразованы в различные хозяйственные общества (ТОО, АОЗТ, КСП), но они не были собственниками земли. Формально собственность стала принадлежать работникам таких предприятий, которые получили государственные документы о собственности на земельные доли. Но почти 10 лет не существовало эффективного прозрачного механизма выделения таких долей в виде конкретных земельных участков. Все сделки с землей (включая аренду) зависели от решений земельных комитетов различного уровня. Более того, были сформированы значительные фонды распределения земли, получение земли из которых также зависело от отношений с властью. Сложившийся порядок позволил чиновникам влиять на процесс распределения наиболее ценных земель, а также извлекать из этого административную ренту и

¹ Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности.

² Olson M. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // The American Economic Review. Vol. 85. No. 2. P. 24.

самим или аффилированными с ними лицами становиться новыми собственниками¹.

Таким образом, институт власти-собственности оказывается относительно эффективным в условиях экономической и политической экспансии. Но, позволяя осуществлять экспансию, власть-собственность обрекает общество на стагнацию и отставание в экономическом развитии в будущем.

Дело даже не в том, что реализация власть-собственнических отношений при приватизации в целом неэффективна, а в том, что по-другому, при существующих институциональной структуре хозяйственного порядка и социальном капитале, и быть не могло. Российский хозяйственный порядок, пройдя через «бутылочное горлышко» радикальной институциональной трансформации 80—90-х гг. XX в., сохранил институт власти-собственности, который ему традиционно присущ. Более того, этот институт содержит признаки, приобретенные в ходе социалистического периода развития.

¹ *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000. С. 27—40.